

*К*ладбище было старым и не таким большим, как представляла себе Вика. Почти сразу за забором начиналась если не чаща, то непролазный бурьян. Едва видимые вытоптаные тропинки вели куда-то вглубь и вправо. Она пошла по одной и уперлась в старые могилы, заросшие настолько, что не продраться. Пришлось вернуться назад и пойти по другой тропинке. И опять тупик — кусты, деревья, вьюны, сплетавшиеся выше головы.

Было нестерпимо жарко. Очень хотелось пить и побыстрее уйти отсюда. Но страх не возникал. Может, потому, что на кладбище не оказалось ни одного креста и ни одного памятника — никаких изваяний, фигур и выглядывающих из камней ликов — только мусульманские стелы, обращенные на восток, и строгие мраморные плиты.

Сначала она читала надписи и рассматривала лица, изображенные на плитах, но очень ско-

Маша Трауб

ро ей стало казаться, что похороненные здесь люди — друг другу родственники, а надписи с фамилиями и годами жизни начали скользить перед глазами бегущей строкой. Ей уже физически было плохо: в воздухе не хватало кислорода, и она не могла глубоко вздохнуть — тут же заходилась аллергическим кашлем. Тело чесалось то ли от укусов невидимой мошки, то ли от нервной аллергии.

Вика больно зацепилась рукой за неизвестное ей растение с острыми шипами и порвала кофту. Ноги в сандалиях были расцарапаны и начали зудеть. К тому же она влезла в крапиву и видела, как открытые участки тела немедленно начинали покрываться алыми волдырями. Вика остановилась, чтобы отдышаться и успокоиться. Значит, около забора — совсем старые участки, заросшие. Там самая сухая земля, деревья с прочными изогнутыми стволами, пышущие цветом кустарники, которые закрывали камни как ковром. Левее — могилы начала прошлого века, судя по датам. Продраться можно, отбрасывая ветки, раздирая руками заросли. Значит, нужно брать правее. Вика сделала шаг и чуть не наступила на ящерицу. Здесь их было немало. Огромных, зеленых, равнодушных и юрких — Вике казалось, что она идет по живой земле, пребывающей в постоянном движении, в бегот-

Падшая женщина

не. Ящерики, недовольные присутствием незваного гостя, зашедшего на их законную территорию, в последний момент выскакивали из-под ног и убежали в поисках покоя. Вниз она старалась не смотреть. Наверняка здесь водились и змеи.

Однажды в детстве она поймала ящерицу. Та оставила хвост и убежала. Вика с ужасом держала в ладони крошечный отросток. Ей было жалко и себя, и ящерицу. А еще ей было очень страшно — до дрожи, до обморока. Оторвать у живого существа кусок тела и держать его в руках. Она ведь совсем не хотела этого делать. Получилось случайно. Ящерица — красивая, переливчатая — сама вдруг отбросила хвост и выскользнула из руки. Вика с тех пор боялась и ящериц, и змей, и лягушек.

Она почесала ногу и пошла дальше. Оглянувшись, едва не наткнулась на торчащую ветку с ошестинившимися отростками. Еще чуть-чуть, и Вика осталась бы без глаза. Она свернула еще раз и опять стала вглядываться в надписи. Нужно было найти могилу. Ради этого она приехала.

Кладбищ она не боялась. Ей достаточно часто, в последнее время все чаще, приходилось сопровождать бабулю на похороны или панихиды. И Вика, поддерживая бабулю под локоть,

Маша Трауб

не испытывала ни страха, ни отчаяния. Скорее, она была похожа на местных служащих, которые привычно приходили на рабочее место, переодевались и деловито принимались за дело — облагораживали место захоронения, высаживали цветы, принимали заказы на благоустройство, обсуждали шрифт на могильной плите. Вика прекрасно ориентировалась на кладбищах, знала, где туалет, где цветы, где мусорный контейнер.

Особенно ей нравилось кладбище, ближайшее к ним, где были похоронены подруги бабули. Здесь же упокоился и отец Вики. Она приезжала сюда два раза в год — заказывала помывку, полив цветов на лето. Быстро проходила к могиле отца, отмечала выполненную работу, ставила цветы в горшке, чтобы не вяли на камне и не создавали ощущение заброшенности, и уезжала. Полчаса. Сорок минут — максимум.

Место захоронения на этом кладбище стоило чуть ли не столько же, сколько городская квартира. Здесь можно было обрести покой или за деньги, или за большие заслуги. А еще лучше, если оба критерия совпадали. Здесь было комфортно и покойникам, и родственникам. К услугам последних был цветочный магазин, который предлагал только изысканные растения. На Пасху на полках появлялись игрушечные зайцы

Падшая женщина

с яркими корзинками. На Восьмое марта неожиданно выставлялась кадка с гвоздиками, которые обычно были не в ходу — слишком простенько. Но именно в марте на гвоздики был спрос.

Вежливая, участливая и тактичная продавщица подолгу обсуждала с клиентами, как будут сочетаться желтые бархатцы с папоротником, который в последние два года неожиданно вошел в моду. Или лучше взять вереск? Да, вереск тоже очень хорошо, только сохнет быстро. Климат не подходит. Но можно попробовать. И, конечно же, восковые цветы и букеты, которые тоже предлагал магазин, отдавая дань традициям, не были похожи на те, что продавали бабушки на ближайшей автобусной остановке по цене в три раза ниже. Искусственные цветы были изготовлены в Италии, доставлены и с помощью дизайнера выставлены в витрине.

Это кладбище встречало безутешных родственников не только цветочным магазином, но и огромной парковкой с воротами изысканной ковки. И охранник заботливо приоткрывал калитку, чтобы верящие в приметы женщины, одевавшиеся для визитов на могилу в достойное серое, позволяя себе также скромный беж или глубокий малахит, не входили в распахнутые

Падшая женщина

с яркими корзинками. На Восьмое марта неожиданно выставлялась кадка с гвоздиками, которые обычно были не в ходу — слишком простенько. Но именно в марте на гвоздики был спрос.

Вежливая, участливая и тактичная продавщица подолгу обсуждала с клиентами, как будут сочетаться желтые бархатцы с папоротником, который в последние два года неожиданно вошел в моду. Или лучше взять вереск? Да, вереск тоже очень хорошо, только сохнет быстро. Климат не подходит. Но можно попробовать. И, конечно же, восковые цветы и букеты, которые тоже предлагал магазин, отдавая дань традициям, не были похожи на те, что продавали бабушки на ближайшей автобусной остановке по цене в три раза ниже. Искусственные цветы были изготовлены в Италии, доставлены и с помощью дизайнера выставлены в витрине.

Это кладбище встречало безутешных родственников не только цветочным магазином, но и огромной парковкой с воротами изысканной ковки. И охранник заботливо приоткрывал калитку, чтобы верящие в приметы женщины, одевавшиеся для визитов на могилу в достойное серое, позволяя себе также скромный беж или глубокий малахит, не входили в распахнутые

Маша Трауб

настежь ворота — плохая примета. Только через калитку.

Весной, на первые майские праздники, и поздней осенью, в ноябре, Вика сидела в удобном кресле в комфортабельном офисе по благоустройству захоронений. В компьютер давно были занесены все данные о том, какие она предпочитает цветы, к какому дню нужно помыть могилу и какого цвета гранит подсыпать. Оставалось только расписаться в документе, и можно было еще полгода не вспоминать о могиле — все будет сделано вовремя и на совесть. И могила будет ухоженной, ни одной лишней травинки не пробьется через гранитную крошку, цветы будут политы, надпись — сверкать на солнце. А если погода выдастся пасмурная, так ничего страшного — на кладбище прекрасное современное освещение. И надпись все равно будет сверкать, как под софитами.

И могилы и памятники — в полный рост, с ангелами, будут радовать взгляд чужих респектабельных родственников, которые не сядут поминать покойных прямо здесь, на погосте. Не будут проливать слез, обойдутся без крикливых всхлипов и причитаний, а чинно постоят минут пять и уйдут. И новые туфли не покроются грязью, каблук не застрянет в асфальтовой выбоине, а засохший букет роз с могилы будет выбро-

Падшая женщина

шен предупредительными работниками, чтобы не портить общей картины.

Эти поездки на кладбище были для Вики обязанностью, пусть не очень сложной, не слишком неприятной, скорее обычной, как включение бойлера каждым летом, когда отключали горячее водоснабжение. Повернуть два черных крана и перекрыть красный. Каждый год Вика забывала про красный кран и вызывала сантехника, который за сто рублей долго и подробно объяснял ей про включение и выключение бойлера. То же самое было с могилой — Вика забывала, сколько бархатцев просила посадить в прошлом году. То ли восемь, то ли двенадцать. Но хорошо, что в компьютере все было отмечено и сохранено. И вежливая женщина говорила ей: «Не волнуйтесь, все сделаем, как прошлом году». Вика, говоря откровенно, и не волновалась. Восемь кустов бархатцев, десять — ей было все равно. Мама на могиле отца не появлялась. А бабуля, которую Вика привозила сюда «по случаю» — отпевание бывшего коллеги, например, — и вовсе не горела желанием идти на могилу к зятю. Так что Вика заказывала бархатцы для себя, для собственной совести. Малая уступка, ничтожная жертва, чтобы чувствовать себя спокойно.

Маша Трауб

Здесь все были эгоистами — и родственники, и, казалось, даже покойники. Главное, сохранить видимость респектабельности. И покойные могли быть спокойны — даже если родственники забудут дорогу, работники кладбища не позволят могиле остаться неприбранной или запущенной. Так что цена за захоронение себя вполне оправдывала — даже скрягам не приходилось переворачиваться в собственных гробах от возмущения.

А вот зачем Вика поехала на могилу к деду, в далекий поселок, туда, где никогда не бывала и о котором мало что знала, — она не могла объяснить даже себе. Ей вдруг все стало противно. Она сама себе стала противна. Ничего не чувствовала, ничего не хотела. Устала от вечно недовольной и озабоченной матери, устала от бабули, которая требовала и одновременно, буквально в одном предложении, умудрялась отвергнуть всякую заботу о себе. Вика металась между матерью и любимой бабулей, которые дольше пяти минут не могли разговаривать друг с другом без того, чтобы не поссориться, и ей приходилось работать буфером, водоразделом, плотиной, которая удерживала их любовь-ненависть. Она гасила, сглаживала их острую необходимость в общении, граничащую с ненавистью и нежеланием видеть и слышать друг друга.

Падшая женщина

Вика хотела вырваться из замкнутого круга. И вернуть себя назад. В то время, когда она все чувствовала, когда дышала, когда страдала и умирала. Ей было все равно, куда и как исчезнуть. Но даже здесь она оставалась эгоисткой. Ей нужно было уехать далеко и под предлогом, который бы удовлетворил всех. Иначе и мама, и бабуля свели бы ее с ума. Она не могла прыгнуть с парашютом, сплавиться по реке на байдарке, нырнуть под воду на опасную глубину. Она ничего не могла. Мама, слыша про такие планы дочери, закипала и говорила, что она ведет себя безответственно. Бабуля же сразу начинала жаловаться на сердце. Вика была привязана к ним канатами, потому что без нее они бы не смогли общаться. Не смогли бы обмениваться колкостями и взаимными претензиями. Да и жить без нее не смогли бы.

Поездка на могилу деда всплыла спонтанно. Чем дальше Вика об этом думала, тем больше эта идея казалась ей увлекательной. Как некий экстрим, вытаскивающий, пусть ненадолго, все эмоции, вплескивающий в кровь дозу адреналина. Вика могла уехать на другой конец страны, и ни мама, ни бабуля не могли ей этого запретить.

— Бабуль, я хочу на могилу к деду съездить, — сообщила Вика, когда уже заказала билеты и забронировала гостиницу.

Маша Трауб

— У тебя что-то случилось? — Бабуля, как всегда, читала между строк и чувствовала больше, чем было нужно даже Вике.

— Нет, все в порядке. Я же там никогда не была.

— Викуля, это будет бессмысленная поездка, — сказала бабуля, — чего бы ты ни хотела от нее получить.

— Бабуль, ты не едешь на могилу к бабушке. Мама не ездит на могилу к папе. Я устала от вас обеих. Я хочу просто съездить.

— Нашла куда, — хмыкнула бабуля. — Если тебя интересует мое мнение, то я — против.

— Мама тоже против, — устало ответила Вика. — В кои-то веки вы сошлись во мнении.

Она улетела, поселилась в гостинице в городе и приехала в поселок, который находился в часе езды, на это кладбище. Дома у бабули она нашла одну-единственную фотографию могилы, которая, по всей видимости, была сделана в день похорон. Вика взяла ее с собой.

Могилы тесно лепились друг к другу — между ними оставался зазор шириной буквально в одну ступню. Спустя минут сорок поисков Вика уже не вглядывалась ни в надписи, ни в даты на плитах. Она убеждала себя, что сделала все возможное — ходила, искала и не нашла. Так быва-

Падшая жэнцына

ет. Ведь бывает? Да, она облазила все кладбище, побывала там, куда физически могла пролезть. По некоторым тропинкам она проходила несколько раз, заблудившись и свернув назад. Но могилы дедушки не нашла. И фотография ей не помогла. Наверное, захоронение было совсем скрыто под травой, крапивой и деревьями — ведь прошло очень много лет. А возможно, могилы здесь и не было — убрали старое захоронение, брошенное, никому не нужное, и на его месте устроили новое. Так ведь тоже бывает.

Здесь не было ни смотрителя, ни базы данных. Не было офиса по благоустройству. Даже ворот как таковых не было — обычная деревянная калитка с железным обручем, переброшенным через забор. Снял обруч и зашел.

Вика решила, что пора возвращаться. Хватит. Без толку. Все равно что искать иголку в стоге сена. В конце концов, и кладбище могло оказаться не тем — бабуля ведь назвала только поселок, а рядом с ним, по дороге, было еще одно кладбище — Вика видела из окна машины.

Она еще раз свернула с тропинки и пошла назад. И вдруг увидела даты — семидесятые, восьмидесятые годы. Одна могила, рядом вторая и еще одна. Получается, она ходила по кругу, хотя ей казалось, что она обошла все кладбище. Значит, здесь нужно искать. Вика прошла даль-

Маша Трауб

ше, но дорога резко оборвалась — очередной тупик, непролазные заросли бурьяна. Все, она больше не может. Это бессмысленно. Можно еще два часа все так же ходить по кругу. Все-таки странное кладбище.

Она стояла и думала — возвращаться опять на тропинку или прорываться через растения. Решила пройти. Руки были уже все в царапинах. Она рванула какой-то куст и оказалась в крапиве. Молодой, ярко-зеленой, с крепкими высокими стеблями, больше похожей на деревца, чем на куст. Успела подумать, что молодая крапива жечь не будет, как тут же кожу начало саднить. Вика была в футболке с короткими рукавами, но ей казалось, что чешется все — живот, спина, плечи.

Она закрыла глаза и сделала еще два шага вперед. Земля на кладбище не была ровной. Некоторые могилы стояли как будто в низине, иные скопились на пригорке, несколько могил стояли на холмике, как на возвышении. Тут же, среди зарослей крапивы, вдруг обнаружилась полянка, на которой росли ромашки. Трава была низкой, а цветы разрослись кустами.

И здесь же, на полянке, стоял водитель, который привез Вику сюда, на кладбище. Она не расслышала, как его зовут, а переспросить было неловко. Он курил и, казалось, совершенно ни-

Падшая жэнцына

куда не спешил. Стоял, смотрел вокруг и казался таким же естественным, как поляна с ромашками на кладбище.

Вика кивнула ему и пошла направо.

— Там я смотрел, — спокойно сказал мужчина.

— Надо возвращаться. Не найдем. — Вика уже внутренне сдалась.

Водитель не ответил и никак не отреагировал, продолжая курить. У него не изменилось выражение лица, он даже не посмотрел в ее сторону.

Эта его особенность — вот так застывать, глядя куда-то вперед, за линию горизонта, заморозила ее еще в городе. Наверное, поэтому она и наняла именно этого водителя, который спокойно стоял около гостиницы и, казалось, никого не ждал. И время вокруг него тоже замерло и остановилось. И он мог бы простоять так еще час или два, и ничего бы не изменилось — минуты тянулись, оставаясь незаметными для этого человека. Он не спрашивал, нужна ли ей машина, куда ехать, он вообще не обратил на нее никакого внимания. И когда Вика, отвергнув двух суетливых, улыбчивых, приглашающих, обещающих водителей, выбрала его, он несколько не удивился.

— Мне далеко, на кладбище, — сказала Вика.

Мужчина кивнул.

Маша Трауб

— А сколько будет стоить? — спросила Вика.

Он не ответил. Просто сел за руль и завел машину.

Она покорно села, и они поехали. Неспешно, даже медленно. Вика, сидя на заднем сиденье, начала нервничать — так они и за два часа не доедут, хотя, как сказала ей бабуля, дорога займет не больше часа. Водитель никого не обогнал, никуда не спешил. Уже на окраине города он не выехал на шоссе, куда шел основной поток машин, а свернул направо и назад.

— А куда мы едем? — обеспокоенно спросила Вика.

Водитель не ответил. Просто кивнул. Мол, все в порядке.

И вместо того, чтобы занервничать еще больше, начать задавать вопросы, переживать, она расслабилась и прикрыла глаза. Пусть везет, куда везет. И будет так, как должно быть.

Они долго виляли по узким улочками, сворачивая то направо, то налево, то взбираясь на горку, то резко спускаясь вниз. Объезжали ухабины, тормозили перед детьми, которые играли в мяч прямо на дороге, и наконец остановились перед домом. Так же, без объяснений, мужчина заглушил мотор и зашел в ворота. Вику он не пригласил пойти с ним. Она немного посидела, не зная, что и думать, и решила выйти — по-

Падшая женщина

дышать. Под машину закатился детский мяч. Маленький мальчик прошмыгнул мимо Вики и достал игрушку.

— А кто здесь живет, ты не знаешь? — спросила она, показывая на ворота.

Мальчик не ответил и убежал.

Вика решила сделать так, как делал мужчина, — подождать. Просто подождать. И не смотреть на часы. Не волноваться. Не спешить. И только она закрыла глаза, собираясь расслабиться, как из ворот вышел мужчина в сопровождении женщины. Он опять молча сел за руль, женщина кивнула Вике и быстро села на переднее сиденье. Вике ничего не оставалось, как сесть назад.

— Здравствуйте, — обратилась она к женщине.

— Здравствуйте, — ответила та и замолчала.

Вика не знала, что спросить еще, женщина, по всей видимости жена водителя, оказалась такой же немногословной, как и ее муж.

Они опять поехали по узким улочкам, опять едва не наехали на мяч и кинувшегося под колеса мальчика — впрочем, ни мальчик, ни водитель и бровью не повели, как будто и не было никакой опасности, — и наконец выехали на шоссе. Мужчина по-прежнему ехал медленно, позволяя обогнать себя всем желающим. Но быстрее, чем ожидала Вика, они свернули с шоссе

Маша Трауб

и въехали в поселок. Жена водителя тихо показывала дорогу — направо, налево, прямо. Видимо, он и взял ее, потому что она знала эту местность.

Вика уже полчаса, как мучилась. От местной воды ей нестерпимо хотелось в туалет. И пить. А еще лучше — кофе. Но она стеснялась мужчины-водителя и наконец решила обратиться к его жене.

— Простите, — она наклонилась к ней как можно ближе, — нельзя ли сначала остановиться в каком-нибудь кафе? Вон, смотрите, вывеска!

И действительно — Вика вдруг увидела надпись «Кафе» на доме, похожем скорее на сарай с окнами.

— Это не кафе, — ответила женщина и обратилась к мужу: — Направо поверни, вон на ту дорогу.

Оказалось, что они приехали на вокзал. Когда-то это была железнодорожная станция — судя по чудом сохранившейся надписи на здании и видневшимся вдалеке железнодорожным путям. Но на дверях висел огромный замок, ставни на окнах были плотно закрыты, а само оно не подавало признаков жизни. И, видимо, давно. Рядом со станцией расположился стихийный рынок. Несколько женщин сидели под зонтиками и продавали искусственные цветы,

Падшая женщина

детские мячи, аккуратные связки с дровами, воду, шерстяные носки... Жена водителя и Вика вышли из машины. Вика подошла к первой женщине.

— А маленькой бутылки воды у вас нет? — спросила она.

Женщина не ответила, но удивилась. Она показала рукой на полторалитровые бутылки.

— Нет, спасибо, мне столько не надо, — сказала Вика.

— Туда иди, — показала рукой жена водителя. Чуть дальше от станции стоял деревянный туалет — покосившаяся дверь хлопала от ветра. Вика пошла по тропинке, мимо петухов и кур, которые разгуливали здесь же. Дверь не закрывалась. Пахло так, что становилось дурно. Нужно было обладать хорошей физической формой, чтобы не упасть в выгребную яму. Но выбора не было.

Вика вышла, вытираясь влажными салфетками. Она терла руки до локтей и все равно ощущала на себе запах нечистот.

Неужели когда-то на этой заброшенной станции останавливались поезда, сюда приезжали люди, ждали, встречали, прощались. Когда-то здесь работал магазин, а на площади перед главным зданием стояли машины и автобусы. Вдоль перрона были высажены голубые акку-

Маша Трауб

ратные елочки, от которых не осталось даже пеньков — лишь квадрат земли, выложенный по периметру камнями, как оградой. Вика слышала и читала о заброшенных деревнях, поселках, но никогда не видела, как это бывает на самом деле. Сейчас она смотрела на здание, выстроенное в причудливом, некогда прогрессивном стиле — с башенками, стеной, напоминавшей кремлевскую, — и удивлялась тому, что дома тоже могут умирать. Осыпаться краской — это здание в свои лучшие годы сверкало лазурью, — прогнивать и казаться холодными и промозглыми даже в жару.

Вика вернулась к машине.

Они ехали еще минут пять и наконец оказались на кладбище.

Вика думала, что и водитель, и его жена будут ждать ее в машине. Но они пошли за ней следом. Жена водителя свернула направо, Вика налево, а водитель пошел прямо. Через некоторое время Вика потеряла их из виду.

Она стояла на полянке и не знала, что делать дальше. Не чувствовала ничего, кроме досады, и уже обдумывала, как будет оправдываться перед бабулей — не смогла найти могилу. Облазила все кладбище, и безрезультатно.